

Чарская Лидия Алексеевна

Вторая Нина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Вторая Нина / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2022. –
325 с.

ISBN 978-5-521-29787-0

ISBN 978-5-521-29787-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ грозовую ночь.

БЫСТРѢЕ, Смѣлый! БыстрѢе, товарищъ! Айда!
Айда!

И смуглая маленькая рука, выскользнувъ изъ-подъ полы косматой бурки, нѣжно потрепала лоснящуюся отъ пѣны спину статнаго, вороного коня... Конь прибавилъ ходу и быстрѢе вѣтра понесся по узкой горной тропинкѣ надъ самымъ обрывомъ зіяющей своей громадной черной пастью бездны...

Юный всадникъ, съ головой закутанный въ бурку, теперь низко припалъ къ шеѣ своего четвероногого друга, крѣпче уперся ногами въ стремяна да сильнѢе и крuche натянулъ поводья.

Гроза надвигалась. Причудливо разорванныя черныя тучи крыли небо, пугливо толпясь и сдвигаясь, какъ-бы прижимаясь другъ къ другу, въ страхѣ передъ тѣмъ надвигающимся роковымъ и могучимъ, что каждую ми-

нугу должно было произойти въ природѣ. Предгрозовою бурный и дикій вихрь кружилъ въ ущельяхъ, распѣвая свою удалую пѣснь и трепля верхушки каштановъ и чинаръ, тамъ внизу, въ котловинахъ. Что-то жуткое было въ природѣ, что-то страшное и грозное, какъ смерть.

Казалось, не вѣтеръ свистѣлъ въ ущельяхъ, а черные джины ¹⁾ горъ и пропастей распѣвали свою погребальную пѣснь... Что-то надвигалось въ темнотѣ ночи неслышное и неуловимое, какъ тайна, точно подкрадываясь все ближе и ближе мягкимъ копячимъ шагомъ. И отъ ощущенія близости этого таинственно-неуловимаго какъ-то сжималось сердце, и непріятныя мысли роились въ головѣ юнаго всадника, полузакрытаго мѣхомъ своей бараньей бурки.

Юный всадникъ поминутно горячилъ коня каблуками своихъ высокихъ туземныхъ сапогъ-чевяковъ изъ желтой кожи и, наклоняясь къ черному, какъ сажа, уху вороного, шепталъ поминутно:

— Но-но... прибавь еще ходу, Смѣлый... Живѣе, голубчикъ!.. Айда! Намъ надо добраться до грозы въ Гори... Не то плохо придется намъ съ тобою! Впередъ, мой Смѣлый! Спѣши! Впередъ!

Легкій взмахъ нагайки... Какое-то характерное гиканье... и умное, гордое животное понеслось по

¹⁾ Духи.

откосу бездны съ быстротою стрѣлы, выпущенной изъ лука.

И въ тотъ-же мигъ черная тьма застлала и небо, и землю, и горы, и бездны... Дикій свистъ вѣтра превратился въ одинъ сплошной могучій ревъ... Это уже не темные джины улюлюкали въ глубокой пропасти... Это самъ шайтанъ ¹⁾, князь бездны, гулкимъ призывомъ скликалъ ночныхъ духовъ на свой страшный полночный пиръ. И вдругъ безпросвѣтная тьма разомъ разорвалась... Черныя тучи раскрыли небо, и ослѣпительно яркая полоса молніи прихотливой змѣею промелькнула въ немъ.

Страшный оглушительный ударъ грома потрясъ до основанія каменные твердыни... Ахнули великаны-горы продолжительнымъ громкимъ стономъ... Далекимъ эхомъ раскатился первый ударъ и пропалъ въ безпредѣльности... Гдѣ-то поблизости грузно цѣпнулась о каменный грунтъ земли тяжелая груда обвала... Мелкіе осколки ея покатились, звеня и гремя, въ бездну по каменистой почвѣ, подобно звенящему ручью...

Смѣлый разомъ останоѵился и, весь сжавшись и дрожа всѣми членами, фыркалъ, косясь на бездны налившимися кровью глазами.

Напрасно смуглая рука всадника поглаживала его взмыленную спину, а ласковый голосъ ободряюще шепталъ въ уши:

¹⁾ Дьяволъ.

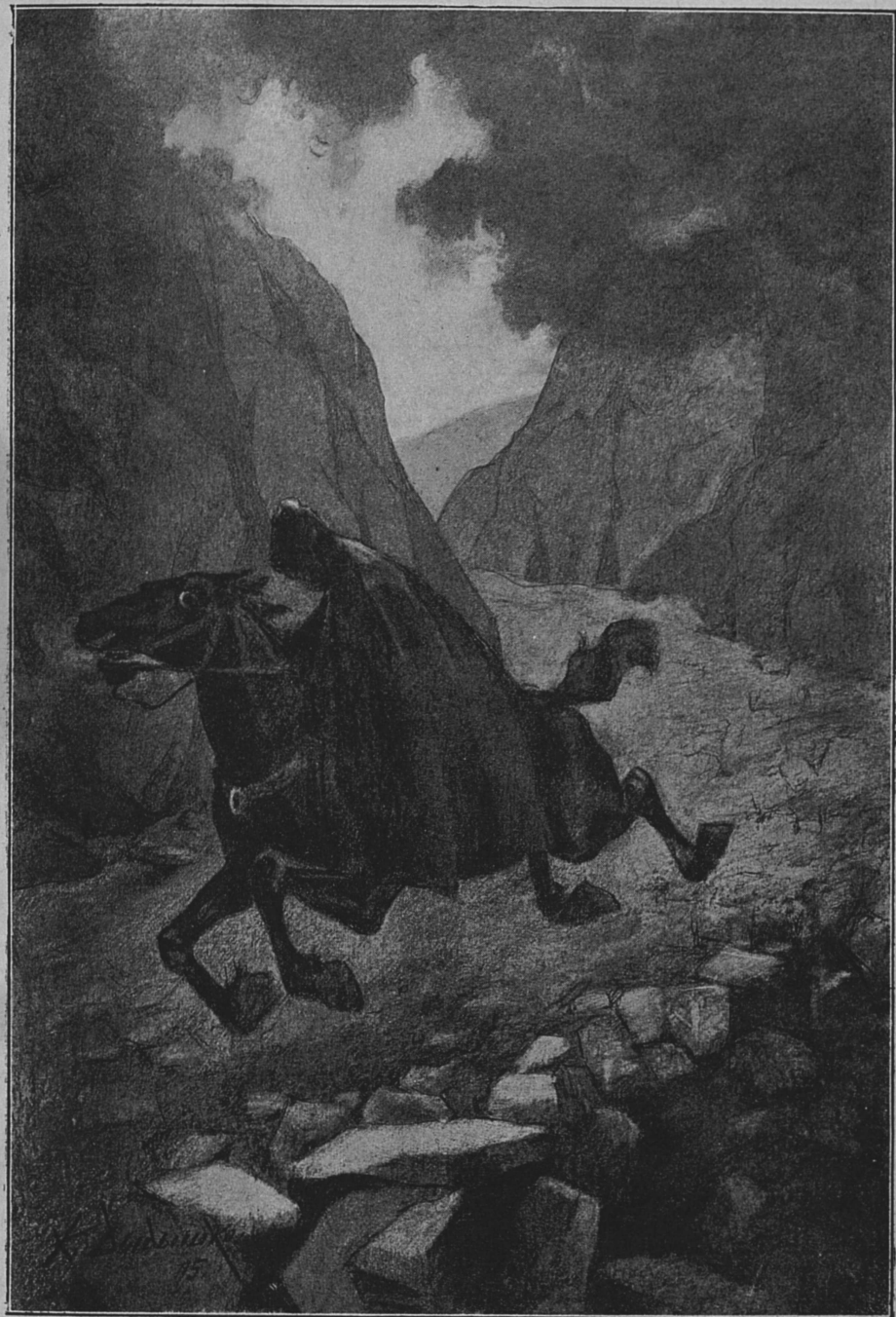
— Но-но, мой милый, мой славный! Но-но! Впередъ, товарищъ... Скоро и Горн... Айда! Айда, Смѣлый!

Конь не дѣлалъ ни шагу. Онъ моталъ головою, дрожалъ всѣми членами и издавалъ тихое, продолжительное ржаніе, попрежнему дико косясь на подернутыя ночью мглою бездны.

Тогда юный всадникъ легко спрыгнулъ съ сѣдла и, взявъ за поводъ упрямившуюся лошадь, повелъ ее по тропинкѣ, осторожно шагая въ сгустившейся тьмѣ ночи.

Кругомъ грозными великанами, точно толкая другъ друга и тѣсясь къ небу, громоздились скалы... Онѣ казались молчаливыми призраками, стерегущими покой насыщенной электричествомъ душной ночи... Какіе-то цвѣты, росшіе въ низинахъ, слали сюда въ высь, въ горы, одуряющій, какъ мускусъ, пряный аромат... Въ этой темной ароматичной мглѣ голова кружилась, и воображеніе разыгрывалось, рисуя какія-то необычайно фантастическія картины. По крайней мѣрѣ голова юнаго путника была полна ими. Неясные образы и туманныя грезы толпились въ ней, его сердце билось, — не страхомъ, нѣтъ, а предчувствіемъ чего-то близкаго, неожиданно-чудеснаго, что должно было случиться сейчасъ, сію минуту.

Второй ударъ грома, еще болѣе сильный и оглушительный, разомъ прервалъ его свѣтлое настроеніе. Тотчасъ-же, слѣдомъ за этимъ первымъ ударомъ раздался

Конь понесся по узкой горной тропинкѣ...

третій, четвертый, пятый... и такъ безъ конца и счета... Небо разверзлось теперь поминутно, выпуская изъ-за покрова тучъ все новые и новые зигзаги молній... Тяжелыя капли дождя сильно ударились о каменистую почву...

Гроза разгоралась... Начался ливень...

— Великій Боже! Мы опоздали!—раздался испуганный возгласъ юнаго всадника, и въ одну минуту онъ снова очутился въ сѣдлѣ, взмахомъ нагайки угостилъ лошадь и во всю прыть помчался наудачу впередъ, прямо въ чернѣющую мглу.

Новый ударъ грома разразился надъ головами юноши и коня. Этотъ новый ударъ былъ до того оглушительно гулокъ, что лошадь, испуганная имъ, сдѣлала отчаянный скачокъ и оба, и всадникъ, и животное, полетѣли въ бездну.

.
.

— Ты слышишь крикъ, Ахметъ?

— Тише, ради Аллаха, ага! ¹⁾ Великій джинъ бездны не любитъ, когда люди вслушиваются въ его ночной призывъ...

— А ты, Сумбатъ-Магома, ты слышалъ?

— Такъ, господинъ... Но это былъ не крикъ шайтана, клянусь могуществомъ Аллаха, это человѣкъ вызы-

¹⁾ Господинъ.

валь о помощи.— И смуглый горецъ съ типичнымъ восточнымъ лицомъ покосился въ безпросвѣтную тьму ночи.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Слушай, ага! Ухо Сумбатъ-Магомы вѣрно, какъ слухъ горнаго джайрона... ¹⁾ Оно никогда еще не обманывало меня... Въ горахъ кричитъ человѣкъ и просить о помощи...

— Не слушаи его, ага,—смѣясь, вскричалъ тотъ, котораго звали Ахметомъ, — онъ, какъ дряхлыя старухи аула, склоненъ видѣть то, чего нѣтъ, и пропускаетъ порою то, чего не пропустятъ соколиныя очи твоихъ вѣрныхъ абрековъ... Сумбатъ-Магома, ты гредишь на-яву! Проснись!

Послѣдній вздрогнулъ, схватился за кинжалъ, и смуглое лицо его вспыхнуло ненавистью... Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась-бы для одного изъ собесѣдниковъ его неосторожная шутка, еслибъ тотъ, кого оба горца называли почтительно ага, не положилъ ему на плечо свою небольшую, но сильную руку.

— Тише, Ахметъ! Не будь ребенкомъ... Магома не хотѣлъ оскорбить тебя. Вы—кунаки, клялись другъ другу въ кровной дружбѣ... Напоминаю тебѣ объ этомъ.

— Ты слишкомъ добръ, господинъ!—произнесъ Ахметъ покорно, въ то время какъ въ черныхъ глазахъ

¹⁾ Оленя.

его, умышленно скрывшихся за темными, длинными рѣсницами, горѣли и искрились недобрые огоньки.

Всѣ три собесѣдника сидѣли у костра въ просторной пещерѣ Уплись-цихе, или пещернаго города, находившагося въ 7-ми верстахъ отъ Гори, въ самомъ сердцѣ Карталини, плодороднѣйшей и лучшей части Грузіи. Тутъ-же неподалеку были стреножены ихъ лошади, сильныя, выносливыя горскія лошадки. Всѣ трое были одѣты почти одинаково въ темныя чохы ¹⁾ съ газырями ²⁾ на груди, въ бараныи папахи и мягкіе чевяки; у всѣхъ троихъ были заткнуты за поясами кинжалы и пистолеты, а у молодого аги, очевидно начальника, сбоку висѣла кривая турецкая сабля, да и все оружіе его рѣзко отличалось пышностью и богатствомъ отъ оружія его товарищей. И внѣшность его была нѣсколько иная, нежели у остальныхъ. Онъ былъ гибокъ и строенъ... На молодомъ, красивомъ лицѣ его не было той вороватой пронырливости, которая была написана на лицахъ Магомы и Ахмета. Что-то величавое и гордое, что-то надменное и породистое сквозило въ его тонкихъ чертахъ... Черные огненные глаза его горѣли огнемъ отваги; прекрасныя губы улыбались насмѣшливо, гордо и властно, храня въ своей улыбкѣ въ одно и то же время что-то дѣтски-наивное и обаятельное... Ему было лѣтъ 25, не больше.

¹⁾ Верхняя одежда.

²⁾ Патронниками.

Догоравшіе уголья костра вдругъ освѣтили своимъ прощальнымъ свѣтомъ пещеру и потухли. И разомъ все погрузилось въ одинъ сплошной, непробудный мракъ. Только извнѣ, сквозь каменные трещины пещеры, проникали сюда огненные зигзаги молніи, на мигъ освѣщая свѣтомъ убѣжище троицъ горцевъ, скрывавшихся здѣсь отъ грозы.

— Пора спать,—произнесъ съ легкимъ зѣвкомъ красивый горецъ съ гордой осанкой,—на зарѣ надо двигаться дальше. Наши ждутъ у истоковъ Арагвы... опаздывать нельзя... Алла верды... ¹⁾

И, сбросивъ со своихъ плечъ суконную чоху, онъ разостлалъ ее на полу пещеры и, повернувшись лицомъ къ востоку, сталъ шептать слова вечерняго намаза ²⁾. „Ал-илляхъ-иль-Алла, Магометъ рассуль-Алла!“ ³⁾—по-минутно слышалось въ темнотѣ.

Его товарищи послѣдовали примѣру аги.

И вдругъ страшный пронзительный крикъ прорѣзалъ временно наступившую тишину ночи.

— По-мо-ги-те!.. Спасите!—простоналъ неподалеку отъ пещеры молящій испуганный голосъ.

— Ты слышишь, ага? Я не ошибся! Это не джинъ бездны завлекаетъ путника. Тамъ кричитъ человѣкъ!—вскричалъ Ахметъ, разомъ вскакивая на ноги.

¹⁾ Спаси Богъ.

²⁾ Молитва мусульманъ.

³⁾ Единъ Богъ Аллахъ. Нѣтъ другого Бога, кромѣ Аллаха, и Магомета, пророка его.